

ЛЮБЯТ в Липецке свой театр...» Как легко и сладко пишется такая фраза! И как мажорно выстраивается она несомненный ряд: премии, которые вручают металлурги актерам за лучшую роль, коллективные походы, само здание в бетоне и стекле, где празднично зрителям и удобно работающим. Или хотя бы то, как с недавней поры остановку у этого здания стали называть «Театральная», а не «Детский мир», близ расположенный. Мельпомена, так сказать, потеснила Меркурия...

Но справедливее начать по-другому: «Любят в театре свой Липецк». И ряд выстраивается иначе. Потому что это театр воюет за своего зрителя, выколупывает его из мягких диванов перед «Рубином». Это главный режиссер пробивается со своим вопросом в плотную повестку горисполкома и чуть ли не сам меняет таблички на автобусах: «Надо, чтоб была «Театральная!»

Взаимоотношения еще далеки от идиллии, в которой герои, тепло взявшись за руки, любят друг дружку. И лучше пока взглянуть в них порознь.

ГОРОД. Четверть века назад Липецк негромко напомнил о себе целебными водами, двумя заводами и счастливым расположением по берегам Вороны. Все это, собственно, при нем и осталось. Только бутылки с минеральной потускнели в условном гербе города. Только привольное местоположение съехилось под натиском микрорайонных громад. Только на строительстве всего лишь одного комплекса теперь занят весь прежний работоспособный Липецк.

Шестикратно (!) увеличилось число жителей, и уже близка полумиллионная отметка. За этой статистикой — нарастающие валы судеб и стилей жизни, идеалов и вкусов, ожиданий и разочарований. Вспоминаю одну из поездок в этот развороченный и заново становящийся город: трудовой азарт на доменной площадке

и обидную простоту нравов на площадке танцевальной, стихи, за полночь читаемые в рабочем общежитии, и кулачные расправы за его стенами... Липецк — работага, знающий горячий пот на выходе металла. Но отчасти и скоробогатей, что протянул целые «улицы гаражей» и с деревенской охотцей гоняется за движимым (подождем списывать Меркурия). Большой город

НЕТ У МУЗ ПЕРИФЕРИИ

и ассоциативной режиссерской мысли! Но, быстро «выбрав» самых искушенных зрителей, корабль снова начал оседать...

В пору стойкого отлива собрались за кулисами после вечернего спектакля трое, которые еще не знали о себе, что они упрямыцы. Пахомов, Голубицкий и Ольга Михайловна Нестерова, завлит театра. Искали не скорых способов спасения — уже испробованы новые и не лежит душа к старым. Искали понимания друг у друга и отыскивали его в... грустной решимости, может быть, и вообще бросить это «нетеатральное местечко». Такова была предпоследняя мера искренности. Но ведь не последняя?

УРОКИ НА ПОСЛЕЗАВТРА

складывается динамично и противоречиво, вкусы его — в брожении, тут незачем что-то упрощать...

ТЕАТР. Стеклобетонный его корабль великолепно глядится. На суше... А в реальном «плавании» приливы и отливы к его бортам были доселе мало предсказуемы. Бойкий сценический шлягер обеспечивал недолгие аншлаги. Или — поставь пьесу. «Созвучную» местному, нарождающему патриотизму, дай на заднике контур улицы, похожей на приречную, — и заговорят в городе, пойдут на первые спектакли.

Зато отливы так опустошительны, что не оставляют у бортов ничего, кроме обрывков афиш.

«Нетеатральный». Практики знают, как трудно отскабливать это, припечатанное к городу. Сюда не заманишь хороших гастролеров, тут не осядут беспокойные искатели новых сценических путей.

Но вспомним: «Надо, чтоб была «Театральная!» Примем в расчет, как заслужил это рванувшийся вперед город.

ВЛАДИМИР Пахомов принял «корабль» три года назад. И, оглядевшись, предложил курс, резко поднимавший постановочные критерии. Репертуар — Шукшин, Распутин, Арбузов, Шатров, русская классика. И категорически никаких бойких «шгучек», прежде иллюзорно выручавших кассу и вполне реально истощавших вкусы. Над новым репертуаром во всю меру молодых еще сил работали сам Пахомов, востепенный второй режиссер Борис Голубицкий. Плюс превосходный отряд привлеченных москвичей, ленинградцев, одесситов. Р. Агамирзян, И. Райхельгауз, Д. Боровский, М. Курилко — режиссеры и сценографы, чьи имена весомы в нынешнем театральном процессе.

Никогда не видел Липецк такого напора и экспрессивности сценических решений, сложной

— Хвала упрямству — не последняя, — улыбается Пахомов, вспоминая то историческое сидение. — Мы нашли обрыв.

И выглядел он просто: в городе (по той же логике скачка) есть взрослый драматический и нет тюза. Есть, правда, театр кукол. Но, как сами понимаете, переход от марионеток к живому актеру — как из эпохи в эпоху. Нет ни малейшей плавности.

Трое за кулисами решили добровольно взвалить на себя и на плечи театра восстановление этой плавности.

— Будем делать «золотой» репертуар для детей и юношества. Станем взрослым театром с расчетом на послезавтра.

Понимаете? Не «галочные» утренники с полусонными Белоснежками, не наскоро смонтированные из «подбора» (так называют в театрах послужившие декорации) и марлечки спектакли. А долговременную программу, спектакли на максимум выдумки и профессионализма.

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ с упрямыми на третий год реализации их программы, разработанной тем вечером. Встретились в Москве, на Тверском бульваре, где в зале Театра Пушкина они показали весь свой «довзрослый» репертуар.

Так и было: ни одной «штучки» и ни метра марлечки.

Мятежно-веселый «Р. В. С.» Аркадия Гайдара — первенец новой программы.

— Я встрякнул на нем после «интеллектуальной драматургии», — признается Голубицкий. — И это было счастьем.

Во всем строе спектакля чувствовалось оно. И, может быть, больше всего в работе Леонида Олыкайна и Александра Тихого — Димки и Жигана, мальчишек из невзрачного времени, шальных и независимых, простодушных и верных.

Они же вместе с Людмилой

Ивановой и Николаем Чебыкиным перенесли нас в иное время — у Максуда Ибрагимбекова «За все хорошее — смерть», в другой работе Голубицкого. Не шальные — ироничные, не простодушные — недоверчивые. Но умеющие стать людьми, когда подступает испытующий час.

Ни одна работа из золотого репертуара не повторяла другой. Щемяще грустный «Малыш и Карлсон», где Виталий Пономарев сыграл человечка с пропеллером таким укоряющим, как этого еще не приходилось и вообразить, а ведь надо бы. И строгий, духовно сосредоточенный спектакль «Подробности жизни» — по нилинской «Жестокости», инсценированной (для Липецка) москвичом Александром Ремезом. Нет в нем ни романтических погонь, ни схваток в тайге, а есть боль и стыд Венки Малышева, очень многому нас научающие. Запомнился здесь и Михаил Соболев, заслуженный артист РСФСР, из старших, в роли усталого мужика Баукина.

А следом — наигная и светлая «Снежная королева» Евгения Шварца и лихой, ярмарочно-гиньольный (это когда «ужасти» подаются со смехом и вкусом) спектакль «На бойком месте». Режиссер — Голубицкий, три других поставил Пахомов.

Много здесь пробы, хорошего озорства, желания испытать силы на разном. Как издержки появляется иногда и разноречивая, несхожие школы игры, не с каждой режиссерской задачей справляется помолодевшая (и много прошедшая) труппа. Но ведь состоялась уроки на завтра: родился эксперимент, ответственный и высокий, меняющий духовный климат целого города.

...В антракте московские дети лезли на сцену: что там нарисовал малыш на асфальте? — и безбожно галдели, никем и ничем не сдерживаемые.

— У нас иначе, — довольно усмехнулся Пахомов. — Не

паиньки, конечно, но в театре уже свои люди и уже выработали праздничные правила... Знаете, и вечера стали иными. Тише, многолюднее. Когда дитячко тащит отца утром за папец: «Хочу «Малыша» — то этот отец вечером идет в тот же театр чаще.

А в антрактах ходит по фойе светловолосая девочка Вера Иванова, художник неуемной и изящной фантазии пятнадцати лет. Театр привез с собой выставку ее работ. Мы помещаем два ее рисунка по мотивам спектаклей. Они скажут больше, чем легкая фраза «любят в Липецке...»

НУ, А ПАХОМОВ, Голубицкий и Нестерова живут еще на год-два вперед (благо, финансовый план этого — впервые! — выполнен еще две недели назад).

У меня нет права рассказывать о том, как дался эксперимент. Об «антитюзовских» страстях за кулисами, премьерских скандалах, выработке новых этических критериев. Просито надо знать, что такое — было.

А есть, уже есть коллектив старших, средних и юных, объединенный долговременной программой. Впереди Сент-Экзюпери, Маршак, снова Гайдар. В репертуаре вечернем — прежняя строгость отбора: пьесы о Ленине и Чехове, Горький и лучшее новое. Надо выровнять актерские школы, для чего мало наезжих, обучающих речи и пластике, а нужна своя, неспешная работа. Какая? Хотя бы студийный, внеплановый труд над чеховской «Чайкой». Надо будет — год, потребуется — и полтора. (Заметим, в областном театре, где срок премьер — два месяца!) И — борьба за нового зрителя, с младых ноготок до седин. Выход к студентам (актеры руководят их кружками, агитбригадами),живание в среде металлургов.

Пока достаточно. До новых встреч, упрямыцы! В Липецке, где любят свой театр.

А. ЕГОРОВ